

УДК 8; 821.161.1

РОМАНЫ М. ШИШКИНА: АВТОРСКАЯ МОДЕЛЬ МИРА**Безрукавая М.В.***Кубанский социально-экономический институт, Краснодар, e-mail: sea_pearl@mail.ru*

В данной статье речь пойдет о М. Шишкине и его авторской модели мира. Для анализа были взяты такие произведения, как «Взятие Измаила», «Венерин волос» и «Письмовник». Безрукавая М.В. в своей статье анализирует М. Шишкина как модерниста или постмодерниста. Также дан анализ стиля написания романа и присутствие автора в произведениях. Безрукавая М.В. делает упор на то, что у М. Шишкина главная тема – это несчастье, которое предстает как архетип и ключевое пространство человеческой жизни. Также в статье детально описаны главные персонажи и их роль в данных произведениях. Рамки прозы М. Шишкина форматируют ключевые пары во взаимодействиях романа: мужчина и женщина, человек и смерть, любовь и ненависть, встречи и расставания. Анализируется авторская концепция М. Шишкина: модернист или постмодернист?

Ключевые слова: постмодернизм, литературный процесс, религиозная позиция, идентификация, архетип

SHISHKIN'S NOVELS: AUTHOR'S MODEL OF THE WORLD**Bezrukavaya M.V.***Kuban socio economic institute, Krasnodar, e-mail: sea_pearl@mail.ru*

Annotations. In this article, we will focus on M. Shishkin and his author's model of the world. For analysis were taken such novels as «The Capture of Izmail», «Venus Hair» and «Collection Book». Bezrukavaya M.V. in her article analyzes M. Shishkin as modernist or postmodernist, his style of writing the novel and the author's presence in the works. Bezrukavaya M.V. makes the point to the main M. Shishkin's theme: it is a misfortune which appears as an archetype and the key space in the human life. The article is also described in detail the main characters and their role in these novels. M. Shishkin's frames prose formats key pairs in the interactions of the novel such as a man and a woman, a man and death, love and hate, meetings and partings. We analyze the author's concept of M. Shishkin: who is he, modernist or postmodernist?

Keywords: postmodernism, literary process, religious position, identification, archetype

В романах М. Шишкина, интересующих нас в этой статье («Взятие Измаила», «Венерин волос», «Письмовник»), в простом, парадоксальном единстве находятся два повествовательных потока. Во-первых, автора занимает формальная и содержательная жизнь слова, сам процесс рассказывания, который иногда выглядит самодостаточным, не нуждающимся в полноценном явлении личности. Во-вторых, каждый шишкинский текст переполнен мельчайшими деталями семейно-бытового существования человека, сообщениями о встречах, расставаниях, воспоминаниями о детстве, историями болезней, лаконичными портретами эпизодических героев, показывающими, насколько многообразна и индивидуальна жизнь.

Если в последнем на данный момент романе «Письмовник» можно выделить двух главных персонажей, чья неординарная переписка служит сюжетно-организующим центром, то в романах «Взятие Измаила» и «Венерин волос» повествование разбивается на отдельные эпизоды и фрагменты. Постепенно выясняется, какие части, своеобразные «минироманы», оказываются главными, но даже трансформация фрагментов в некое смысловое единство не препятствует появлению эффекта калейдоско-

пичности слова и нарративной стратегии М. Шишкина. Да и в романе «Письмовник» переписка заметно удаляется от классики эпистолярного жанра. Один из ее участников – погибший русский воин, продолжающий писать после смерти. Внутри каждого письма важнейшее значение имеет не обращение к адресату, а эпизоды, фиксирующие собственные события и эмоции, ими вызываемые. И философские комментарии, которые вбирают в себя «житейское», не останавливаются на нем, создавая устойчивый в романах М. Шишкина образ мира.

Если под эпическим повествованием понимать установку на масштаб конфликтов, на формирование образа воинственного или жертвенного героя, то в текстах М. Шишкина оно не занимает важного места. Неоднократно писатель сообщает о войнах, революциях, политических и социальных катаклизмах, настроениях в государственном устройстве, мешающем человеческой личности состояться, но они всегда выступают не как знаки авторского интереса, а как фон для раскрытия людских страданий и форма констатации авторской мысли о тщетности истории, ее агрессивной сущности.

«Важна каждая мелочь, брякающая в кармане, каждое проглоченное ветром слово, каждое молчание», – читаем в рома-

не «Венерин волос» [4, 53]. Здесь же жизнь человека интерпретируется как суд, для которого необходимо не выделение главного, а повторение прожитого секунда в секунду: «На суде этом никто не торопится, ведь надо во всем тщательно разобраться, и поэтому вечер надо показывать целый вечер, а жизнь – целую жизнь» [4, 54].

Константное несчастье человеческого существования в самых разных сюжетах и образах переходит из романа в роман. Несчастье предстает как архетип и ключевое пространство человеческой жизни, тут же вызывая художественное слово (рожденное прежде всего из слова воспоминаний) как важнейшую сферу преодоления повторяющейся безнадежности. Таким образом, пессимистическая атмосфера, воссоздаваемая стандартной фабулой жизненного пути, сохраняет свое присутствие, но оказывается в контексте особого настроения, для которого характерны и сентиментальные чувства, и философия определенного смирения с неоспоримой моделью мироустройства, и согласие с мыслью о том, что мгновения счастья не менее значимы, чем обязательные страдания.

Говоря о ключевых парах взаимодействия в романах М. Шишкина, следует обозначить их следующим образом: мужчина и женщина, человек и смерть. Любовь и ненависть, встречи и расставания, связывающие мужчину и женщину, проходят через все романы, предстают в разных вариантах. В паре «человек и смерть» гендерный аспект утрачивает влияние, акцент переносится на экзистенциальный характер взаимодействия.

Десятки и, возможно, сотни персонажей проходят через сознание читателя в трех рассматриваемых нами романах. Каждый из них – индивидуальность, проявляющая себя в границах проблем «мужчина и женщина», «человек и смерть», и необходимость этого внеличностного, родового обобщения всегда важна для М. Шишкина.

Подобная картина наблюдается и при анализе хронотопа шишкинских романов. С одной стороны, в большинстве случаев время и место конкретизированы (начало XX века, сталинский СССР, 70-е годы, современность; царская Россия, Швейцария, Италия, СССР, постсоветская Россия). С другой стороны, следует отметить принципиальную для М. Шишкина проницаемость времени и пространства. Во многих историях задействованы имена Дафниса, Хлои, Тристана, Изольды, Осириса, Гора, Анубиса и других литературно-мифологических героев, создающих в реальном времени уровень вечности, вневременной реализации человеческой сущности. «У воспоминаний нет ни дат, ни

времени, ни возраста», – сказано в романе «Венерин волос» [4, 184].

Еще одна важная черта поэтики М. Шишкина – координируемая автором сложность повествования, удаляющаяся от представления о повествовании линейном как повествовании каноническом. Чаще всего субъекты повествования имеют отношение к интеллигенции (адвокаты, переводчики, врачи, учителя), но в большинстве случаев требуется специальное читательское усилие для их верной идентификации.

Особо трудный случай – роман «Взятие Измаила». Потоки речи, не разделяемые автором, приводят к необходимости дешифровки повествовательных инстанций. Совсем не сразу выясняется, что в центре романа два основных рассказчика – Адвокат из начала XX века и журналист/преподаватель Михаил, живущий в конце XX века.

Первый появляется в романе как отец психически неполноценной Ани. В дальнейшем будет освещена история его брака – случайной, почти немотивированной тяги к медику Кате, их совместной жизни, ставшей мучением. Причина страдания – в характере циничной, сильной женщины, в развитии сюжета теряющей свою силу, и в рождении больного ребенка. Аня становится испытанием, которое не выдерживает Катя, оказывающаяся в регулярных истериках, на грани самоубийства, а впоследствии в психиатрической клинике. Правда, испытание смог выдержать Адвокат, по-настоящему полюбивший Аню, получивший способность посвятить ей жизнь и даже завести новую любовь, которая, как подсказывает автор, вряд ли приведет к очередным семейным катастрофам.

Второй, Михаил, прежде был женат на Свете, от которой родился сын Олежка. Воспоминания о детстве мальчика занимают во «Взятии Измаила» важное место. Олежка погиб под колесами машины. Света не выдержала трагедии, оказалась под атакой постоянной депрессии, неоднократно пыталась совершить самоубийство. Настолько вошла в пространство собственного несчастья, что муж перестал иметь хоть какое-то значение. Брак распался. Михаил, оставивший относительно доходную журналистику ради преподавания в школе, не приносящего денег, сумел пережить трагедию, влюбиться во Франческу, чьи непростые, но удачные роды оказываются последним эпизодом романа.

Тяжелая семейная драма и формы реакции на нее – смысловой центр обеих основных историй «Взятия Измаила». Обе истории изложены в полном согласии с принципом нелинейного письма, когда

стройный пересказ события должен стать итогом читательской реконструкции. Автобиографические факты и аллюзии – важнейший для М. Шишкина повествовательный ход. Исключение, пожалуй, можно обнаружить лишь в «Письмовнике».

В романе «Взятие Измаила» и в романе «Венерин волос» мы обнаруживаем многие знаки жизни самого писателя: присутствие отца-подводника, эпизоды школьного детства, профессия переводчика, два брака, жизнь в Швейцарии и т.д. Речь идет не о прямом автобиографизме, а именно об аллюзиях и парафразах, которые включают жизнь автора в бытийные процессы, интересующие его как стратега художественного мира. Во «Взятии Измаила» он обретает Франческу, в «Венерин волос» он ее теряет. Но автобиографизм лишь одна из основ, центрирующих конструкцию текста.

Пространство собственной жизни сопряжено с пространством всей мировой культуры. Много ссылок на разнообразных героев древности, достаточно прямых и косвенных цитат из Библии и произведений греко-римской античности. Повествователи могут внезапно перейти на церковно-славянский язык и столь же неожиданно вернуться к языковой норме XX–XXI веков. «Толмач» – одна из самых частотных характеристик в мире М. Шишкина. Особенно эта характеристика активизирована в романе «Венерин волос». Это и перевод слов отдельных персонажей, их включение в цельность авторского мироздания. И существенный перевод с «молчания», присутствие которого М. Шишкин ценит в каждом серьезном слове.

Нередко встречаемся с рассуждениями, не имеющими прямого отношения ни к основному, ни к побочным сюжетным линиям. Увлечение разнообразными речевыми потоками приводит к тому, что «болтовня» (без негативной оценки) становится структурно-организующим принципом. Например, в романе «Взятие Измаила» появляется длинное размышление о том, какие средства хороши при отравлении ядами. Затем один из повествователей обсуждает формы наказания в разных странах и временах за половую связь с животными. Позже читатель постигает проблему детоубийства, изложенную на нескольких страницах.

М. Шишкин – модернист или постмодернист? На первый взгляд, легче выбрать второй вариант ответа. Аргументов может быть несколько.

1. Органичная авторская фрагментарность и нелинейность: текст не поддается пересказу, каждая часть произведения способна существовать отдельно, не вступая в тесное взаимодействие с иными частями текста.

2. Герой, даже обладая именем и биографией, растворяется в стиле, в атмосфере повествования, утрачивает личность в потоке рассказывания.

3. Автор склоняется к деконструкции метарассказов, к критике устойчивых онтологических дискурсов, не пытаясь отнестись серьезно ни к одной из классических историй, упоминаемых в произведении.

4. Метафизика, религиозный дискурс, онтологический статус события – отсутствующие категории в поэтике М. Шишкина: автор склонен к вариативности, амбивалентности, демифологизации в границах иронического дискурса.

Но все же это слишком внешние аргументы, чтобы признать мир М. Шишкина постмодернистским. Автора волнует не игра с образами и цитатами (их, впрочем, очень много), а сюжеты жизни и смерти человека, которые никак нельзя назвать лишенными серьезности. В «Письмовнике» тенденции, указанные в предыдущей фразе, только нарастают. Пишет С. Оробий: «Принципиальные неточности и умолчания в портретах главных героев делают их образы предельно абстрактными, придают действию архетипический характер – что может быть универсальнее, чем мужское и женское начало; мужской образ в произведении связан с вечной темой войны и смерти, женский – со столь же вечными темами рождения ребенка, жизни. Появление «Письмовника» позволяет утвердиться в мысли о том, как далек Шишкин от постмодернистской поэтики. Пародируя чужие тексты, постмодерн относился к ним с неизменной снисходительностью, отчуждением: «классики писали не про нас». Шишкин же исходит из другой, прямо противоположной установки: мысли сокровенны, герои живы, просто их надо проявить, увидеть сквозь напластования языка и времен. Как был изощренно ни был построен каждый роман, он сводится к универсальным, общепонятным категориям: рождению ребенка («Взятие Измаила»), «воскрешению» певицы Беллы («Венерин волос»), наконец, жизни и смерти («Письмовник»). Последний роман писателя заканчивается парадоксальным принятием смерти как великого дара, растворением героев во времени, но теперь и «Сашенька», и «Володенька» могут умереть спокойно. Писатель Шишкин знает про них то, что не позволит им исчезнуть никогда» [3].

В другой статье С. Оробий усиливает «антипостмодернистский» пафос: «Так шишкинская метатекстуальность наполняется новым смыслом – это уже не модернистская и тем более не постмодернистская, но классическая реалистическая метатекстуальность» [2]. Ин-

теллекуализм в романах М. Шишкина заменяет народность и социально-историческую эпичность. Камерность повествования только усиливается в каждом произведении, несмотря на позиционируемый автором масштаб времени и пространства.

Интеллектуализм вместо народности. Камерность повествования при нарастающем объеме присутствующих времени и пространства. Все это признаки внесмыслового, игрового, экспериментально-постмодернистского письма. Но, на наш взгляд, это скорее средство, чем цель и глубинное содержание. Даже в деконструкции классических метаисторий «слово о смерти», свободное от иронии и причастное значительным философским проблемам, оказывается на первом плане. Как, например, в «Письмовнике» в речи Володи: «И самое главное – то, что я теперь знаю: и у Христа, и у Сиддхартхи из рода Гаутамы был открыт рот – как у всех мертвецов. Очень хорошо теперь представляю их мертвыми. Запросто. И мух очень хорошо представляю себе, гудящих во рту. Все эти мудрецы всю жизнь учили о том, что смерти нет, о воскрешении, о реинкарнации, а им – хлоп по ушам! И Спаситель никого не может спасти, потому что никогда не воскресал и никогда не воскреснет. И Гаутама сгнил, как все, и никем не стал – никаким Буддой! И до этого миллиарды лет никем не был. И мир – это не сон, и я – это не иллюзия. Я – существует, и нужно сделать его счастливым» [6, 303]. Нужно быть счастливым сейчас, в данный момент. Других вариантов для счастья в этом размышлении героя не существует.

Это не последняя мысль одного из двух главных персонажей. С одной стороны, только слово, преображенное в художественной форме, способно оставить след человека, возможно, стать формой присутствия его души. С другой стороны, детализация, столь ценящаяся в поэтике М. Шишкина, свидетельствует о ценности единичности существования, не нуждающегося в поддержке слова. И этот парадокс в романах М. Шишкина присутствует без разрешения. Человек превращается в слово в памяти, но его истинное существование – настоящее, для которого нет необходимости в речевой деятельности. Однозначного выбора между этими двумя тезисами писатель не делает.

Гносеологическая неуверенность – знак постмодернизма. Но в повествовании, координируемом М. Шишкиным, серьезность, философский пафос и нравственная ориентируемость высказывания не исчезает даже тогда, когда речь Бога в «Письмовнике» становится принципиальным обмирщением дискурса: «Я – альфа и омега, Гог и Магог,

Гелдат и Модат, одесную и ошуйю, вершки и корешки, вдох и выдох, семя, племя, темя, вымя, знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Я есмь то, что я есмь. Швец, жнец и на дуде игрец. Не бойся меня. Просто с разными людьми говорю по-разному» [6, 101]. Или, как в романе «Венерин волос» старослужащий Серый в воспоминаниях солдата Енохина («Еноха») оказывается Богом, принявшим мученическую смерть в Чечне. Надо отметить, что самодовлеющей сатиры М. Шишкин себе не позволяет.

Список литературы

1. Ларионов Д. Общие места: в любви и на войне (рец. на кн.: Шишкин М. Письмовник: Роман. М., 2010) // НЛЮ. – 2011. – № 107; <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/la30.html>.
2. Оробий С. История одного ученичества. (Владимир Набоков – Саша Соколов – Михаил Шишкин) // НЛЮ. – 2012. – № 118; <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/o27-pr.html>
3. Оробий С. «Словом воскреснем»: истоки и смысл прозы Михаила Шишкина // Знамя. – 2011. – № 8; <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/8/or14.html>.
4. Шишкин М. Венерин волос: роман. – М., 2011. – С. 480.
5. Шишкин М. Взятие Измаила: роман. – М., 2000. – С. 86.
6. Шишкин М. Письмовник: роман. – М., 2010. – С. 416.
7. Михаил Шишкин: Роман всегда умнее автора // Известия. – 2010. – 12 февраля; <http://izvestia.ru/news/358397>.
8. «Язык – это оборона». Михаил Шишкин о новом типе романа, русском языке и любви к Акакию Акакиевичу // Критическая масса. – 2005. – № 2; <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html>.

References

1. Larionov D. Obschie mesta: v lubvi i na voine (Rets. na kn.: Shshkin M. Pismovnik: Roman. M., 2010) // NLO, 2011, no. 107; <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/la30.html>.
2. Orobiiy S. Istoriya odnogo uchinichestva. (Vladimir Nabokov – Sasha Sokolov – Mikhail Shishkin) // NLO, 2012, no. 118; <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/118/o27-pr.html>.
3. Orobiiy S. «Slovom voskresnem»: istoki i smysl prozy Mikhaila Shishkina // Znamya, 2011, no. 8; <http://magazines.russ.ru/znamia/2011/8/or14.html>
4. Shishkin M. Venerin volos: roman. M., 2011. pp. 480.
5. Shishkin M. Vzyatie Izmaila: roman. M., 2000. pp. 86.
6. Shishkin M. Pismovnik: roman. M., 2010. pp. 416.
7. Mikhail Shishkin: Roman vseгда umnee avtora // Izvestiya, 2010, 12 fevralya; <http://izvestia.ru/news/358397>.
8. «Yazyk – eto oborona». Mikhail Shishkin o novom tipe romana, russkom yazyke i lubvi k Akakiyu Akakievichu // Kriticheskaya massa, 2005, no. 2; <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/sh3.html>.

Рецензенты:

Татарин А.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет, г. Краснодар;

Дацко Т.Ф., д.фил.н., профессор, НЧОУ ВПО «Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского», г. Краснодар.

Работа поступила в редакцию 28.10.2014.